

ВЯЧЕСЛАВ М. КОТКОВ, WIACZESŁAW M. KOTKOW
Санкт-Петербург (Rosja)

Для меня все веры терпимы

В книге В.А. Потто «История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка» приводится пример:

«Владикавказ 1837 год 14 октября в 8 часов утра Николай Первый встретился с депутатами кавказских народов.

Окинув толпу пристальным взглядом, Государь увидел среди карабулаков человека огромного роста, с нахмуренными бровями, и аршинным кинжалом на поясе. Государь положил ему руку на плечо и сказал сурово: «Передай твоему народу, что он дурно ведет себя; пусть постарается исправиться, пока продолжается еще Мое благоволение». Старик, с чалмою на голове, растеряно отвечал государю: «Мы боимся, чтобы нас не заставили переменить свою веру!». Государь указал рукой на гвардейский конвой из горцев и сказал: ваши дети могут передать вам, что они в Петербурге имеют своего муллу. Для меня все веры терпимы. Прощайте!»¹.

¹ В.А. Потто, *История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка*, Т. IV, СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1894, С. 88.

Фот. 1: Протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский.

И можно смело утверждать, что это так и было. Император не покривил душой. Впрочем, не он один. Хорошо известно отношение Петра I, Екатерины II, Павла I и последующих императоров к другим вероисповеданиям Российской Империи...

Особенно остро вопрос взаимодействия религиозных конфессий страны проявлялся в самые трудные периоды жизни государства и его армии. Такими периодами являются войны. Приведем несколько примеров из жизни русской армии во время Первой мировой войны. Один из них, это обращение Протопресвитера армии и флота Г.И. Шавельского к духовенству действующей армии 3 ноября 1914 года за номером 734, где он из Ставки Верховного Главнокомандующего пишет:

«Циркулярно. Духовенству действующей армии.

Одно из величайших милостей, явленных Господом в настоящую кровопролитнейшую войну нашей Родине – это усмирение вражды в земле нашей. Утихли раздоры, прекратились распри,

примирились партии, смолкла и религиозная вражда между гражданами одной земли, но последователями разных исповеданий, – пред лицом грозного врага встала единая нераздельная, могучая своим единством, святая не только святынями, праведниками и многострадальной историей, но и настоящим воодушевлением своим – великая Русь.

Обязанные всегда молиться о мире всего мира и всячески поддерживать и распространять мир между всеми людьми, мы – пастыри тем более должны всеми силами оберегать мир и любовь между нашими победоносными воинами, отстраняя все, что может грозить нарушению такого мира, ибо в мире и любви между воинами нашими верный залог могущества и победа для всей нашей армии.

Имея это в виду, усердно прошу духовенство действующей армии избегать по возможности всяких религиозных споров и обличений иных исповеданий, а равным образом зорко следить, чтобы в походные полковые и госпитальные библиотеки для воинских чинов не попадали брошюры и листки со встречающимися в них резкими выражениями по адресу католичества, протестантства и др. исповеданий, так как подобныя литературныя произведения могут оскорблять религиозное чувство принадлежащих к этим исповеданиям и ожесточать их против православной церкви, а в воинских частях сеять пагубную для дела вражду.

Подвизающееся на бранном поле духовенство имеет возможность подтверждать величие и правоту православной церкви не словом обличения инако верующих, а делом христианскаго самоотверженнаго служения как православным, так и инославным, памятуя, что и последние проливают кровь за Веру, Царя и Отечество и что у нас с ними один Христос, одно евангелие и одно крещение, и не упуская случая, чтобы послужить уврачеванию и их духовных и телесных ран.

Протопресвитер Г. Шавельский
Секретарь Протопресвитера Е. Махароблидзе»².

² РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9436, Бумаги Главного священника Северо-Западного фронта, 21.08–31.12.1914 года, Л. 6.

Фот. 2: Протопресвитер Георгий Шавельский, Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота, том 2, Москва 1996. (Репрительное воспроизведение издания 1954 г.).

О деятельности военного духовенства на войне он много писал в подготовленных им важнейших документах для военного духовенства во время пребывания на должности протопресвитера военного и морского духовенства, статьях и воспоминаниях. В России и за рубежом хорошо известна его книга «Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота». Приведем несколько высказываний из нее:

«В предшествовавшие войны русское военное духовенство работало без плана и системы и даже без нужного контроля. Каждый священник работал сам по себе, по своему собственному разумению. Даже в Русско-японскую войну (1904–1905 гг.) можно было наблюдать такие картины: один священник, – храбрый и жаждавший подвига, – забирался в передовой окоп и ждал момента, когда ему можно будет пойти с крестом впереди; другой пристраивался к отдаленному, недостижимому для пуль и снарядов, перевязочному пункту; третий удалялся в обоз II-го разряда, обычно отстоявший в 15–30-ти верстах от части. Последний совсем устранял себя от активной роли во время сражения, но и первые

два не приносили той пользы, которую они должны были принести.

Деятельность свою священники на театре военных действий сводили к совершению молебнов, панихид и иногда Литургий, отпеванию умерших, напутствованию больных и умирающих...

Единственным руководством для священника на войне служило высочайше утвержденное положение об управлении войск в военное время. Но оно не предусматривало всех обязанностей священника, а тем более возможной для него работы на бранном поле...

О деятельности военного духовенства на театре военных действий я имел счастье слышать блестящие отзывы от обоих Верховных главнокомандующих. В конце 1916 года Государь как-то сказал мне:

– «От всех, приезжающих ко мне с фронта, военных начальников я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах армии».

Еще решительнее, в присутствии чинов своего штаба, отозвался в 1915 году Великий князь Николай Николаевич:

– «Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии».

Я дважды слышал от него эти слова.

Такие отзывы были вполне заслужены духовенством. В Великую войну военное духовенство впервые работало дружно, согласно, по самой широкой программе. Священники делили с воинами все тяжести и опасности войны, возбуждали их дух, своим участием согревали уставшие души, будили совесть, предохраняли наших воинов от столь возможного на войне ожесточения и озверения»³.

Подтверждением этих слов протопресвитера служит письмо старшего врача Войчика, написанного от руки черными чернилами и хранящегося в Российском Государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург).

Угловой штамп: «Старший врач 198-го пехотного Александроневского полка. 8 января 1915 года».

(Письмо в редакцию)

«Многоуважаемый о. Протопресвитер!

³ Г. Шавельский, Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота, в 2 т., М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. (Репритуное воспроизведение издания 1954 г.). С. 102.

Не откажите поместить в Вашем «Вестнике» нескольких слов и о нашем полковом священнике.

Мы стояли на нашем перевязочном пункте в деревне Янушеве. Уже с самого раннего утра начался кровопролитный бой: наши полки шли в атаку. Младшие врачи открыли перевязочные пункты по флангам, а я с батюшкой находился на главном перевязочном пункте. Вскоре наша хата заполнилась ранеными. Между нашими серыми шинелями видно было и более светлые – германский. Тут же стонал и немецкий офицер... Одним словом стон усиливался ежеминутно ибо число раненых увеличивалось. Мало было одних рук для оказания немедленной помощи. Пастырь нашего полка Александр Яковлевич Успенский сначала исполнял апостольскую роль – напутствовал страдающих – лечил душу, а как только заканчивал свою священную работу – принимался лечить тело. Выучившись делать перевязки даже при самых серьезных ранениях, батюшка наш вступил в роль врача. При наплыве новых раненых был священником и опять утешал Словом Божиим. Одним словом, где появлялась разноцветная эпитрахиль, там примолкали стоны. О, как бы побольше таких духовных лиц в полках и как бы все они находились на передовых позициях среди страдающих за Веру, Царя и Отечество! Тогда легче было бы нашему воину на душе.

Подпись: Старший врач Войчик»⁴.

Журнал «Вестник» военного и морского духовенства на своих страницах во время Первой мировой войны публиковал письма с фронта. Приведем выдержки из письма, датированного мартом 1915 года: «Письмо второе»:

«Посылая мне предрождественский номер «Огонька», ты спрашиваешь, так ли встречали мы молитвой праздник Рождества Христова, как изображено на обложке «Огонька». Нет, не так. К сожалению, полк не мог быть ни на всеобщем бдении, ни за литургией. Праздник встречал полк на позиции, в окопах. Не молитвою, а боем... Поэтому, я служил не под открытым небом, как всегда, а в той самой халупе (ты знаешь, – так называется [в Польше – К.В.] изба), где живу. Халупа поместительная. Приубрали

⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9904. Л. 84.

ее, поставили походный престол, на него св. иконы, крест и Евангелие, и в 5 часов вечера я начал службу. Битком набилась халупа нестроевыми, между ними и «паны». Кстати сказать, полякам так понравилось пение моих голосистых хохликов, что сказывали потом, что у нас, православных, лучше, чем у них в костеле...

Да, позабыл тебе сказать, что за молебствием на позиции присутствовали пленные австрийцы, только что взятые в количестве 12 человек нашими разведчиками. Слушали они и речь мою. И когда подходили ко кресту, я спросил их, – понял ли кто из них что. Оказалось, что трое могут кое-как объясняться по-русски. «Вот, – говорю тем, – и передайте своим товарищам, что слышали. И не мы, русские, а ваш Круль Францишек-Юзеф нарушил мир, о котором пели ангелы в рождественскую ночь». – «Добже, добже, пане ксендже», отвечает один из них.

Отпустил я своих клириков в обратный путь, а сам остался ночевать у командира полка. Вот и сейчас, когда пишу, время уже «не детское».

С любовью, иерей Захария Кромский»⁵.

Очень хочется привести текст из дневника протоиерея Иоанна Бугославского без сокращений, опубликованного в том же журнале, летом 1915 года.

«Из дневника военного священника.

Война всколыхнула сердца русских людей. Рекой текут разные пожертвования в армию, открываются питательные и перевязочные пункты, устраиваются госпитали и лазареты. Братская любовь кипит сильным ключом. Раскрылись и в унисон с нами бьются и сердца народа польского.

Кому приходилось хоть немного испытать военно-походную жизнь в эту войну, тот не мог не видеть того великого радушия, той искренней и сердечной участливости, с которыми всегда и неизменно относились к русским поляки. И в какое время проявляемо было это участие? Оно было тогда, когда положение самих поляков было тяжело до трагизма.

⁵ Вестник военного и морского духовенства, 1915, № 6, 15 марта 1915 г. С. 163.

Уже в октябре месяце, когда прошли в Западной Польше австрийская, германская и русская армии, в польских деревнях остались... голодные люди и пустые избы, да и те занимаемы были проходящими ежедневно войсками. Скот и корма были съедены, лошади уведены, поля покрыты окопами. Да и много ли осталось целых деревень, а в деревнях – изб? Часто не только крестьяне, но и деревенская интеллигенция могли согреть свое иззябшее и неприкрытое тело только у кухонной плиты, так как окна в домах от орудийных выстрелов выпали, а платье и белье были унесены...

В таком положении в октябре месяце мы видели семью учителя дер. Юрковцы, близ Опатова. А впереди зима. И вот в таком отчаянном положении этот народ не теряет своего благодушия. Терпеливо смотрит он на великую беду, ездит за войском с фурманками и без тени раздражения говорит: «На то, пане, война! Хоть не барзо, но только бы не пришел германец».

И нужно сказать, что это терпение, благодушие и доброта отличали поляков всюду, как на русской территории, так и в Галиции.

Трудно и невозможно перечислить и пересказать те ежедневные и ежечасные проявления этой доброты и радушия, которые так облегчали каждому из нас тяготу его походной жизни, но для характеристики упоминаем о некоторых.

Однажды, в октябре месяце, в одной польской избе я сказал, что ихним соседом мне отказано в продаже сена для лошади. Сказал я это, не придавая своим словам никакого значения. Но что же вышло? Девушка полька, готовившая мне в это время гербату (чай), посмотрев на меня удивленно, грустно и с расстановкой произнесла:

«У него нет?...ах!... Пану ксендзу не дал!» и заплакала. Это так меня расстроило, что я и сам чуть не расплакался.

В Галиции за Сандомиром мы поставлены были на дневку в одном женском доминиканском монастыре. Строгость и замкнутость жизни монахинь давали себя чувствовать. Но несмотря на это, несмотря на то, что это была вражеская для нас земля, тележки «военного капелана» найдено было очень удобное место, «капелану» указана была отдельная очень удобная комната, вся увешанная образами, с хорошей постелью, ему же прислали целый мешок хороших фруктов.

В деревне Ст-не, где мы стояли довольно продолжительное время, нашими санитарями произведена была дезинфекция помещений карболкой, от которой у нашего хозяина в три дня пропали 25 кур, все, сколько было. И что же? Ни слова сожаления, ни звука упрека. Только на слова нашего сожаления, хозяйка, указав на избы противоположного конца деревни, сказала: «Был герман, то тама пропали».

И сколько такой доброты, радушия и услуг пришлось видеть нам за время войны!

Дай Бог, чтобы эти братские чувства русских и поляков не ослабевали, а росли и крепили на благо и счастье славянства!

Протоиерей Иоанн Бугославский»⁶.

Таким образом, можно сказать, что прав был Г.И. Шавельский, говоривший о большом значении военного духовенства на войне. Оно выполняло огромный объем работы по поддержанию морального духа личного состава своего полка или бригады и в целом русской армии, вело богослужебную деятельность, выполняло функции «лекаря» духовного (утешало раненых) и телесного (в перевязочных медицинских пунктах), оказывало помощь солдатам в написании писем домой, сообщало родным и близким о ранении или гибели их родного человека, вело отпевание и захоронение погибших. Но была и другая, не менее важная, сторона их деятельности – это поддержание тесного взаимодействия с представителями духовенства и верующими других вероисповеданий, в случае отсутствия первых. Полковой священник обязан был поддерживать добрые отношения с духовенством и местным населением в местах пребывания его части.

⁶ Вестник военного и морского духовенства, 1915, № 6. С. 191-192.

Streszczenie

Dla mnie wszystkie wyznania są tolerancyjne

Artykuł zawiera ocenę działań duchowieństwa wojskowego armii rosyjskiej podczas pierwszej wojny światowej. Autor, na podstawie materiałów Rosyjskiego Państwowego Archiwum Historycznego (St. Petersburg), czasopisma „Biuletyn duchowieństwa wojskowego i morskigo”, wspomnień protoprezbitera armii i marynarki wojennej G.I. Shavelskyego, zwraca szczególną uwagę na interakcje duchowieństwa prawosławnego z przedstawicielami duchowieństwa i członkami innych wyznań w armii rosyjskiej, relacje ludności polskiej z żołnierzami na froncie, a także na formy i metody działania duchowieństwa w wojsku, miejsce, rolę i znaczenie kapłana wojskowego w utrzymaniu morale.

Summary

For me, all faiths are tolerant

The article contains a summary and assessment of the activities of the military clergy of the Russian army during the First World War. The author, based on the materials of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg), the journal “Herald of the military and naval clergy”, memoirs of the Protopresbyter of the Army and Navy G.I. Shavelsky pays particular attention to the interaction of the Orthodox clergy with representatives of the clergy and members of other faiths in the Russian army, the relations of the Polish population and front-line soldiers, as well as the forms and methods of activity of the clergy in the army, the place, role and importance of the military priest in maintaining morale of personnel, first aid, if necessary.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная пастырская забота, солдатский мораль

Słowa kluczowe: I wojna światowa, duszpasterstwo wojskowe, morale żołnierza

Key words: First World War, military pastoral care, soldier's morale